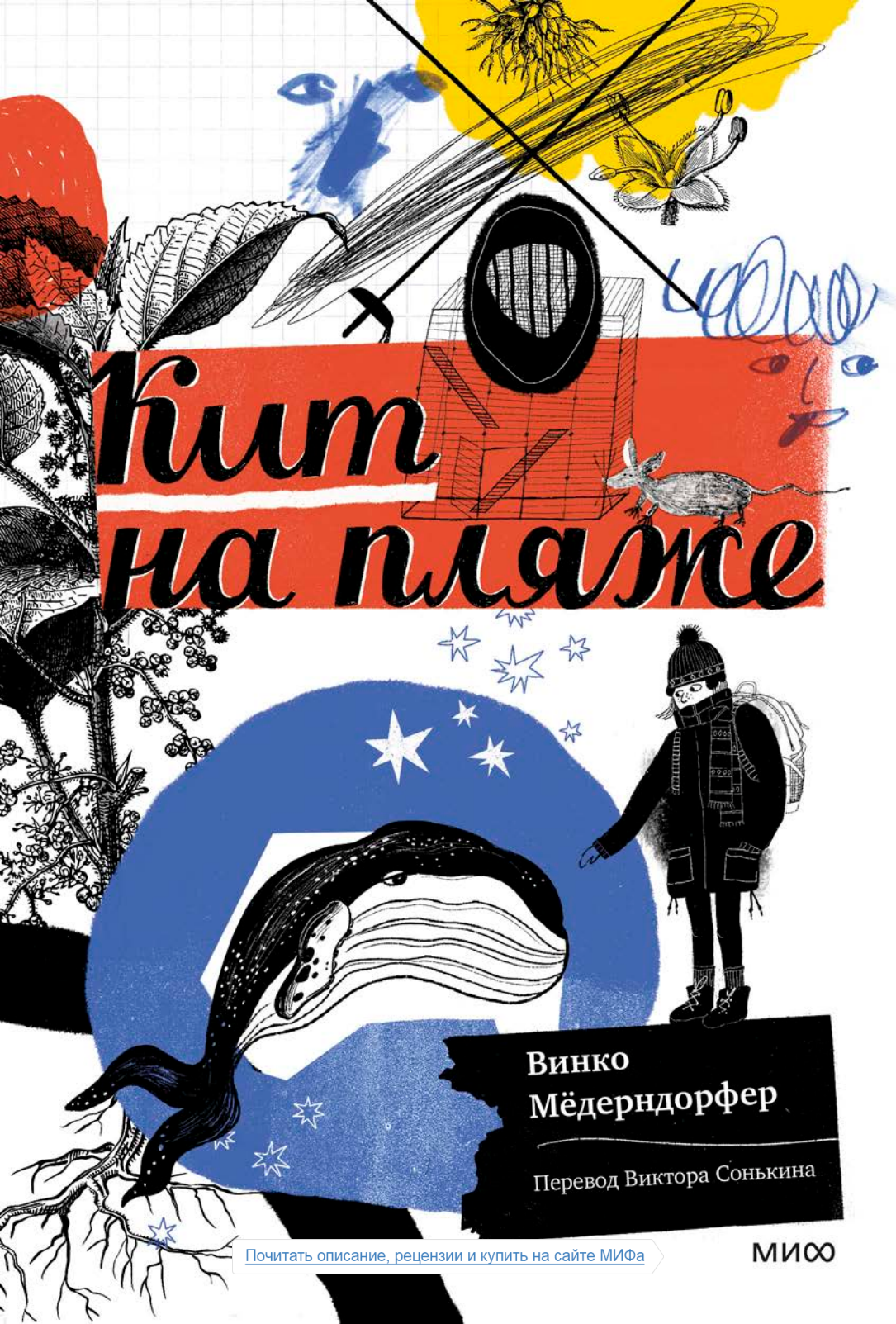

Кит на пляже

Винко
Мёдерндорфер

Перевод Виктора Сонькина

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФА](#)

МИОО

Мальчики бегут, мы смотрим

— Мне кажется, нам надо сбежать из дома, — со вздохом сказала я после затянувшегося молчания. Мы уже давно с мрачным видом сидели на низкой каменной оgrade, которая отделяет школьный двор от спортивной площадки.

Мальчики завершали третий круг из шести. Большинство наших одноклассников уже сильно отстало от группы самых крутых парней во всей школе — мальчиков из девятого «А». Только Алекс буквально наступал победителям на пятки. Парни из нашего восьмого «Б» ходили на физкультуру вместе с девятиклассниками, а у нас в это время занятий не было.

— Да, — повторила я, — мне кажется, нам надо сбежать из дома.

Опять никакой реакции не последовало, хотя я не сомневалась, что и Петра, и Барбка меня отлично слышали. Но они даже не пошевелились. Обе сидели, уставившись на беговую дорожку, где Алекс уже вышел вперёд и теперь на несколько метров обгонял всех остальных. Он взглянул в нашу сторону, улыбнулся — зубы у него были такие белые, что показалось, будто зажётся прожектор, — и помахал мне рукой. Именно мне, хотя Петра и Барбка тоже помахали ему в ответ.

— Ну?! — произнесла я как можно громче, в смысле «вы вообще слышали, что я говорю?».

И опять ничего.

Мальчики бегут последний круг. Теперь мы смотрим им в спину. Господи, какие наши-то хлипкие. Я решила, что повторю и в третий раз:

— Нам надо сбежать из дома!

На этот раз Барбка (её зовут Барбара, но все говорят «Барбка») склонилась к своему телефону, который она никогда не выпускает из рук, и что-то быстро напечатала. Я закатила глаза, вытащила из кармана свой телефон и дождалась писка, а потом взглянула на экран. «Почему ты считаешь, что нам надо сбежать из дома?» Я хотела написать ответ, но мне показалось, что это уже какой-то идиотизм. Барбка сидит пе-

редо мной, опершись спиной о мои колени. Зачем посылать ей текст по телефону, если можно просто ответить?

Я ответила:

— Потому что дома скука смертная.

Барбка опять что-то написала, и мой телефон снова пискнул. «И у меня».

— Ну и чтоб родители немножко подёргались. Так, не всерьёз. Мы же далеко не уедем. Не знаю. До моря на поезде. Автостопом до побережья. И домой.

Барбка опять что-то набирает. Не буду отвечать. Поворачиваюсь к Петре:

— Петра, а ты что думаешь?

Не отвечает; не может оторвать взгляда от наших парней, которые бегут предпоследний круг. Я дёргаю её за ухо. Она только мычит в ответ, и всё. От парней её не оторвать. Особенно от Алекса, который уже обогнал всех девятиклассников. Теперь мы снова видим их лица: они бегут в нашу сторону. Алекс улыбается и смотрит на нас. На меня.

Мой телефон опять подаёт сигнал, но смотреть я не хочу. У Барбки странная манера: она очень мало говорит, только пишет сообщения. Недавно она даже нашей литераторше, в смысле

учительнице словенского, которая вызвала её к доске, написала сообщение: «Простите, у меня болит живот». У той на столе завибрировал телефон. Литераторша — а она наша классная руководительница — вообще не поняла, что происходит, и сурово на всех посмотрела. У нас строгие правила: во время учёбы пользоваться телефонами и компьютерами нельзя. Но телефон опять зажужжал. Учительница посмотрела на Барбку, которая сидит на втором ряду, прямо за мной, и Барбка дёрнула головой: мол, это ваш телефон. Учительница взяла свой телефон со стола — у неё он допотопный, такой старый, что она могла бы его за большие деньги продать в политехнический музей, — прочитала сообщение, взглянула на Барбку и понимающе кивнула.

— Хорошо, Барбара, подготовься к следующему уроку.

На других уроках она бы так легко не отделалась. Но литераторша — наша классная, и к Барбке по неизвестной мне причине она относится очень благосклонно. Не понимаю, почему ей всё позволяют. На меня набрасываются моментально, даже если я ничего ужасного не делаю. Ну и конечно, как только литераторша положила свой доисторический телефон

на стол, он запищал снова; Барбка ей написала: «Спасибо».

Вот ведь идиотизм.

Но все, видимо, уже привыкли, что Барбка не разговаривает, а пишет. Может, станет писательницей? Не знаю. Мне вообще-то не кажется, что тот, кто в школьные годы быстрее всех набирает сообщения, потом за это получит Нобелевскую премию по литературе. Но всё-таки — мало ли? «Уважаемая шведская Нобелевская академия, я должна открыть вам один секрет. Прежде чем написать все свои толстые романы, я многие годы тренировалась в телефоне. Что горячо рекомендую всем коллегам. Спасибо, спасибо».

Всё-таки ужасный идиотизм — общаться через экран телефона с человеком, который сидит прямо рядом с тобой.

— Ну так чего, Петра? Сбежим из дома? Пусть предки немножко понервничают? — спрашиваю я снова: не пропадать же хорошей идее.

В школе меня ценят за хорошие идеи. И мне надо поддерживать эту свою репутацию. Мы, правда, здесь только с осени: приехали в город, поселились в новом доме (об этом позже), но я уже завоевала всеобщее одобрение. Хотя

ничего особенного из себя не представляю. Ну, в смысле, внешне. Из всех девчонок в классе я самая мелкая. Лицо у меня маленькое, вокруг носа — целое созвездие веснушек. Меня они раздражают, и я бы с радостью от них избавилась, но некоторые — даже парни — говорят, что веснушки очень симпатичные. Понятия не имею, так это или нет. Волосы у меня совершенно обыкновенные, каштановые и прямые; иногда они меня ужасно бесят. Тонкие такие, неинтересные. Петра мне предлагала покраситься в блондинку, как она, потому что на самом-то деле она тоже совершенно обыкновенная шатенка; но мне кажется, что это глупость. Петра ещё, в отличие от меня, всегда вызывающе одета. Мне кажется, она не очень понимает, какие цвета друг к другу подходят. У неё есть две старшие сестры, и она часто приходит в их одежде. И красится. Недавно пришла с накладными ресницами. Сказала, что от этого у неё глаза красивее. Я не крашусь. Не хочу. Зачем? По-моему, у меня и так красивые глаза, как у папы, карие и глубокие. Матъяж в бывшей школе мне так и сказал: «Ника, у тебя такие глубокие глаза». Мне ещё никто не говорил ничего такого. Что это было — признание в любви? Не знаю. Мо-

жет быть. Мне вообще-то кажется, что парням я вполне нравлюсь. Они со мной с удовольствием общаются. Но не знаю, это чтобы я им помогла с математикой или физикой или потому, что они что-то во мне находят.

Короче, с популярностью у меня никаких проблем нет. В новой школе про меня тоже сразу все узнали. Меня знают, потому что я много раз придумывала разные интересные вещи. Кое за какие меня даже хвалили; за многие другие, конечно, нет. Когда я предложила, чтобы во Всемирный день защиты животных каждый принёс в школу какое-нибудь животное и всем показал, как плохо люди с ними обращаются, как много видов животных под угрозой исчезновения, классная руководительница отправила меня к директору. Правда, только после того, как кошка Петры её здорово оцарапала. Конечно, в классе оказалось больше всего кошек и собак, хотя я надеялась, что одноклассники проявят больше фантазии: не только ведь кошки и собаки — животные, есть ещё хомячки, мыши, крысы, мухи, гусеницы; вши, в конце концов, тоже животные... Я принесла свою крысу. Не серую длиннохвостую, а домашнюю лабораторную крысу, *Rattus norvegicus*. Свою белую крысочку

по имени Филомена. Собственно, это из-за Филомены кошка Петры взбесилась и сильно оцарапала литераторшу, которая завопила и так яростно взмахнула руками, как будто участвует в олимпийских соревнованиях по баттерфляю. В результате она задела маленький стеклянный аквариум Барбки, в котором плавали три маленькие золотые рыбки. Он упал на пол и разбился. Рыбки полетели к доске. Кошки — ничего удивительного, такова природа кошек — тут же озверели. Они и так-то бесятся при виде золотых рыбок, это и по мультфильмам известно. Вслед за кошками занервничали собаки. Они залаяли так, как будто кто-то прямо у них перед носом рассыпал гору их любимого собачьего корма. Весь класс рванулся спасать золотых рыбок. Матевж достал полиэтиленовый пакет, наполнил его водой, я ловила рыбок под учительским столом, а Филомену выпустила, отчего психанул Йошко, бульдог Милана, и погнался за ней, а она побежала прямо на учительницу. А пол был мокрый, и наша классная, держась за оцарапанную руку, поскользнулась и грохнулась на задницу. Короче, цирк. Вряд ли стоит говорить, что я не успела поделиться с классом мыслями, которые подготовила по случаю Дня

защиты животных. Он превратился в день балагана, как мне чуть позже в своём кабинете сообщил директор.

Но всё-таки не всё, что я предлагаю своему новому классу, кончается таким провалом. Например, я предложила меняться книгами и собрать классную библиотечку. Больше всего, естественно, оказалось моих книг; у некоторых одноклассников дома вообще нет книг, они же дорогие. За такую инициативу меня похвалили. Ещё я предложила, чтобы на окнах в нашем классе стояли не цветы, а что-нибудь экологически более осмысленное: фасоль, пшеница, помидоры. За это меня тоже похвалили, хотя не очень, потому что этот наш импровизированный огород пришлось, естественно, поливать, стены под окном всё время были мокрые, и с них начала сыпаться штукатурка. И так далее и тому подобное.

В «день балагана», как выразился директор, я поняла одну важную вещь. Я узнала истину о моих новых одноклассниках. Одновременно это знание касалось и всех людей вообще. А именно: любое животное, которое человек держит дома, каким-то образом отражает его самого, его сущность, если так можно выразиться. У меня, например, живёт лабораторная крыса —

любопытная, упрямая, быстрая, выносливая. Это и мои свойства. Или вот Барбкины рыбки. Это же Барбка: тихая, как рыба, незаметная. Она часто с нами, но мы её практически не замечаем. Недавно мы набирали женскую команду по гандболу, и про неё просто-напросто забыли. Бегали как бешеные и кричали: «Одного игрока не хватает!» А она стояла в сторонке и ждала. Так получается: её мимоходом, не нарочно, не замечают. Как будто она сливается с фоном. Как, знаете, некоторые рыбы похожи на водоросли, чтобы их хищники не заметили. Скорее всего, она поэтому общается с миром при помощи сообщений. Телефон запищит, и мы все понимаем, что кто-то нам что-то сообщает. Взглянем на экран, и тогда Барбка нам скажет, о чём она думает. Ну скорее всего. Не знаю. Или вот Йошко, бульдог Милана. Они очень похожи. Оба неуклюжие. Милан и разговаривает неуклюже. Он часто как что-нибудь скажет, а потом сбивается, краснеет как рак и что-то бормочет... И так далее; по-моему, пока хватит.

— Петра! Так чего, сбежим из дома, пусть понервничают? — повторила я ещё раз.

Петра по-прежнему не сводит глаз с парней, которые бегут в нашу сторону. Наши одноклассни-

ки выглядят как живые мертвецы. Девятый «А» обогнал восьмой «Б» на полкруга. Но при этом наш Алекс обогнал своих бывших одноклассников. Теперь он смотрит на нас и смеётся. Ему приятно, что мы за ним наблюдаем. Вообще-то, не исключено, что он самый быстрый просто потому, что он старше всех. Он дважды оставался на второй год: в шестом классе и в восьмом. Школа его не очень интересует. На днях он мне говорил, что ждёт не дожётся, когда уже можно будет уйти из школы, и что ему всё равно, окончит он девятый класс или нет. В любом случае он пойдёт работать к отцу, на автомойку. У его отца их даже две: ручная и автоматическая. Алекс уже работает на ручной и одних чаевых собрал столько, что летом сможет купить мотоцикл. Он очень симпатичный. Некоторые девчонки даже говорят: красивый. Ну, может быть. Папа — а он у меня очень умный — говорит, что ум важнее красоты.

У Алекса тёмные волосы, довольно длинные; они ему всё время заслоняют глаза. И он постоянно смеётся. Даже когда ничего смешного не происходит. Наверное, потому что ему всё равно и потому что он, как бы сказать, простоват. Поэтому Петра вечно за ним увивается и вообще не видит, что Алекса она совершенно

не интересует. Петра говорит, что будет парикмахершей. Не хозяйкой салона, — мама ей сказала, что это слишком сложно; просто хочет работать парикмахершей. Ей кажется, что это очень круто. Помоешь людям головы, немножко причешишь, одновременно слушая радио, и идёшь с девчонками в кафе. Я её спросила: «Петра, а ты в этом видишь смысл жизни?» А она на меня уставилась и ничего не ответила. Наверное, подумала: «Смысл жизни? А с чем его едят?» В общем, нет никакого смысла обсуждать с ними смысл жизни. А с Алексом мы подружились после первого же полугодия, когда у него в табеле уже стояли три двойки. Классная попросила меня помочь ему с математикой: у меня с ней никаких проблем нет; ну и ещё с химией и историей. Я не понимаю, почему некоторым людям не даётся математика и почему они ничего не понимают в химии. Милан меня тут спрашивал: как так у тебя одни пятёрки, если ты говоришь, что ничего не учишь? Я не понимаю, что на это можно ответить. Ну, в школе послушаю, дома немножко полистаю учебник, всё же так логично. И интересно.

Алекс в школу ходит без книг и тетрадок, но он сразу же радостно согласился со мной за-

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

